

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ В НЕКРОПОЛЕ ИЗ НОВИОДУНУМА

В последнее время в процессе археологических раскопок ученые придают особое внимание обнаружению следов человеческих обществ, прослеживая фазы развития их материальной культуры и пытаясь установить — в пределах возможности на нынешнем этапе знаний — племена, обитавшие некогда на исследуемых поселениях. Если материальная культура более ранних эпох изучается, главным образом, на материалах поселений и могильников, то в римскую эпоху исследование материальной культуры облегчается наличием и других памятников, привлекающих внимание исследователей. Так, изучая римскую эпоху, они преимущественно обращаются к военным укреплениям, гражданским поселениям, то есть к местам, где люди жили, производили и где остались разнообразнейшие орудия производства, отражающие общественные отношения того времени. Правда, обнаруженные здесь предметы материальной культуры большей частью повреждены, раздроблены и зачастую сдвинуты с первоначального места; чтобы выяснить их положение, требуется особенное внимание.

Недалеко от поселений обычно располагались некрополи, в свою очередь отражающие экономический уровень и социальную принадлежность погребенных. Изучение обряда, типа сооружений, жертвоприношений, иногда и надписей, выявляет бесчисленные подробности, содействующие лучшему ознакомлению с далеким прошлым. Четкое расположение предметов, во многих случаях сохранившееся в своем первоначальном порядке вместе с погребальными сооружениями, целые предметы, сгруппированные в одном месте, позволяют уточнить некоторые данные, необходимые для отождествления и подтверждения некоторых неясных моментов в синхронных поселениях. При определении этногенеза особенно важна помощь этих обрядовых особенностей, присущих различным племенам.

Несмотря на извлекаемую из их изучения пользу, некрополи недостаточно исследованы; иногда же их открытие в ходе случайных работ ведет — до момента вмешательства специалиста — к потере материалов и, особенно, лишает археологов возможности провести ряд ценных и чрезвычайно важных наблюдений, которые уже нельзя осуществить позднее.

Такова была судьба памятника, расположенного к югу от Дуная, на полпути между Галацем и Тулчей, где, в результате постепенного разрушения поселений на берегу реки, к востоку от города Исакчи, потребовалось вмешательство археологов, чтобы спасти то немногое, что осталось у подножия крепости Новиодунум¹ после разрушительной деятельности воды. Известный и сравнительно хорошо видимый некрополь с его очень высокими курганами, как и гражданское поселение, остались неисследованными, хотя со временем появились еще материалы и саркофаги, находящиеся в районном музее гор. Тулча.

К исследованию приступили в конце осени 1958 г. после того как часть некрополя была уже разрушена при устройстве питомника фруктовых деревьев и виноградной лозы, на участке между 142 и 143 км по дороге из Исакчи в Тулчу и к озеру Сауна². На этом участке возвышался ряд курганов, начинавшийся у гражданского поселения к югу от крепости Новиодунум и продолжавшийся к юго-западу до дороги, где, благодаря большому количеству курганов, место называется «Ла мовилеле десе» («у частых курганов») (рис. 1).

Большие и малые курганы расположены по обе стороны долины, служившей, быть может, в древности дорогой в гражданское поселение. Вокруг курганов, особенно за их рядами, находились бескурганные погребения, отождествленные с помощью разрушенных при работах остатков. Кроме ряда курганов, возвышающихся вдоль долины, есть еще четыре больших кургана; они расположены в стороне, два из них приблизительно в 650 м к востоку от центра ряда, а два — на расстоянии около 1400 м к западу, по ту сторону дороги.

Ввиду создавшегося положения исследования сосредоточились на единственном оставшемся в пределах питомника объекте (ему также грозит разрушение), на шести курганах, подлежащих нивелированию. Четыре находятся в центре ряда (M V, M VI, M XXV и M XXVI) и два к востоку от него (M XXXI и M XXXII); здесь имелось еще три кургана (M III, M IV и M XXIV) меньших размеров, но они были уничтожены в процессе плантационных работ.

Курганы высотой в 4—6 м, с диаметром в 20—25 м не были повторно использованы в древности; их верхняя часть была недавно нарушена искателями кладов, постройкой случайных землянок, а также лисьими и зменными норами. На основании сделанных наблюдений и профилей, полученных по двум перпендикулярным диаметрам каждого отдельного кургана, было установлено, что они были возведены по единому образцу путем простого насыпания окружающей земли в кучи по линии внешнего круга и одновременного нагромождения в его центре. Затем насыпали землю с края к середине, весьма неравномерно чередуя пахотный чернозем с желтой глиной. Заметен слой, из которого взята земля, но не видно обдуманной системы сооружения. Этим объясняется то, что в массе каштановой почвы наблюдаются тонкие слои древней черноватой земли с темнокаштановым оттенком (в кургане V) (рис. 2/1). Черноватые слои древнего чернозема имеют иногда коническую форму, независимо от уровня, на

¹ Эти раскопки были произведены лишь через несколько лет после исследования 1948 г., проведенного вместе с проф. Г. Штефаном, предложившим включить этот пункт в план археологических раскопок. Таким образом, в 1953 г. вместе с сотрудниками И. Барня и Е. Комша я принимал участие в оживлении раннефеодального горизонта;

затем в 1955—1956 гг. в сильно разрушенных местах на самом берегу Дуная раскопки производили только И. Барня и Б. Митря.

² *Exspectatus Bujor* и *Gavrilă Simion, Săpăturile de salvare din cimitirul roman de la Isaccea*, в «*Materialie*», VII, стр. 391.

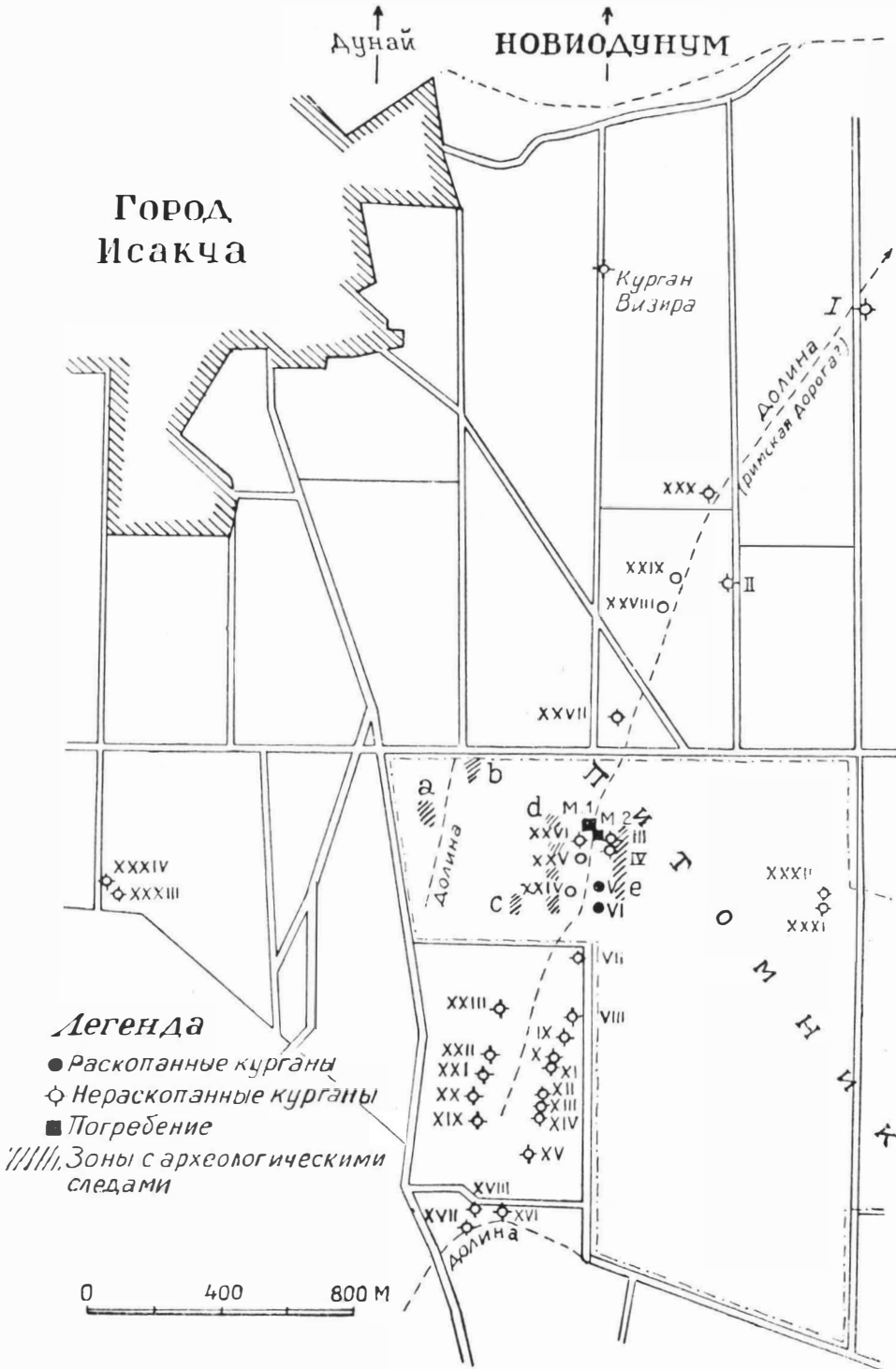

Рис. 1. — Чертеж некрополя в Новиодунум.

котором они находятся; иногда наблюдается извилистая линия на каштановой земле (в кургане VI) (рис. 2/2). И тут же у основания, сбоку, находится маленький курган,

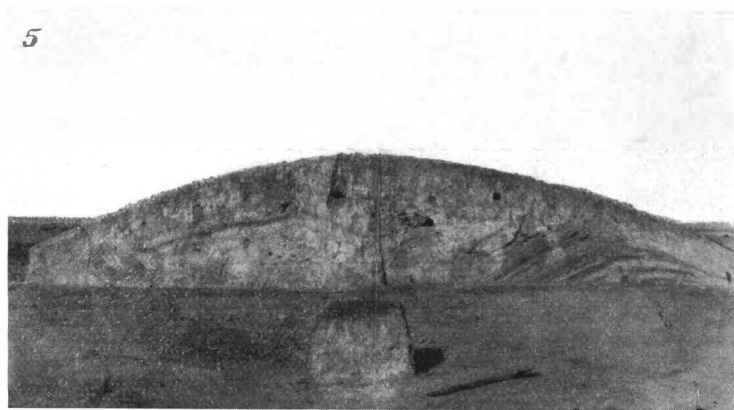
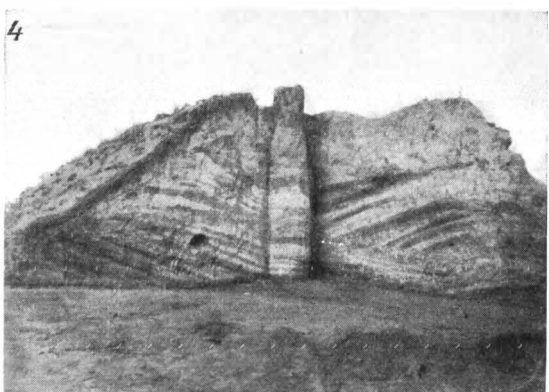
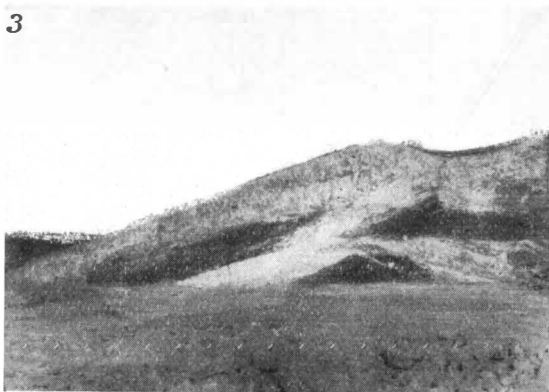

Рис. 2. — Профиль курганов: 1, южный разрез кургана V; 2, разрез кургана VI с юга на север; 3, западный разрез кургана VI; 4, западный и южный разрезы кургана XXV; 5, разрез кургана XXXI с запада на восток.

сооруженный из черноватой земли, вырытой из ямы (рис. 2/3). В других случаях слои расположены равномерно, они более равные, земля одновременно насыпана по краям и посредине (M XXV), где центральный маленький черноватый курган на этот раз пред-

ставляет собой погребение (рис. 2/4). В одном лишь случае наблюдалось чередование светлокаштановой земли и желтой глины (в кургане XXXI), где отложения волнисто расположены в центре и дугообразно по краям, сверх отложений внешнего края (рис. 2/5).

У основания некоторых курганов есть погребения, маленькие курганы которых являются составной частью большого сооружения и не носят самостоятельного характера. При возведении кургана определенное число первоначальных маленьких курганов, расположенных по краю, не играло никакой роли; сама система сооружения кургана заключалась в насыпании земли от края к центру таким образом, что создавалось кольцо бокового сопротивления; в образовавшееся в центре углубление земля продолжала засыпаться до тех пор, пока курган не достигал окончательной высоты.

Найденные погребения, независимо от того, принадлежали ли они к тем, для которых был возведен курган, или к тем, которые оказались под его насыпью, были вырыты в древней почве, за исключением одного саркофага. Некоторые из них являются погребениями с трупоположениями; в большинстве же случаев был использован обряд трупосожжения.

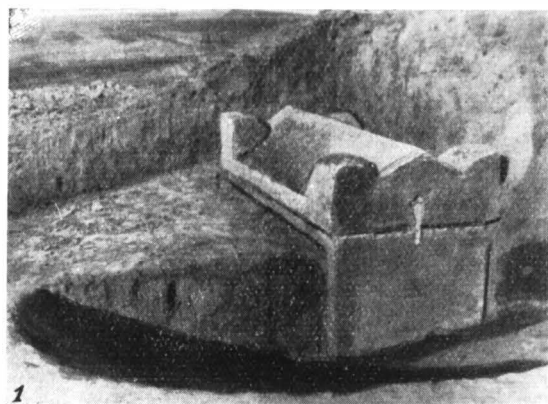
У западного склона кургана V, в направлении рва между рядами курганов, обнаружен саркофаг (т 4), лежавший на древней почве. Судя по отложениям у восточной стороны саркофага и по заполнению у края, вдоль его западной стороны, можно считать, что саркофаг был помещен в курган после его возведения: на краю кургана вырыли углубление и там поместили саркофаг (рис. 3/1). Не исключено, что курган был первоначально возведен для семьи, использовавшей данный саркофаг, несомненно совершенно покрытый землей.

Саркофаг состоит из прямоугольно обтесанной известковой глыбы. Он покрыт двускатной крышей, образующей с малых сторон два фронтона. В четырех углах находятся акротерии в четверть полушария. Внутри саркофаг равномерно обтесан, он образует ящик со стенками одинаковой толщины; крышка выдолблена, чтобы ее было легче передвигать. Обе части входят одна в другую и для большей устойчивости скреплены по краям раствором; на малых сторонах прилажены свинцовые скрепы. Это простой саркофаг без надписи или скульптур, средней величины, его длина 2,33 м, ширина 1,18 м, высота 1,30 м. Он ориентирован с севера на юг, вдоль ряда курганов.

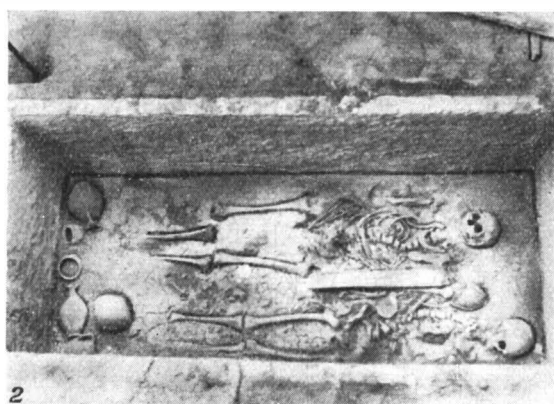
Внутри сохранившегося в нетронутном виде саркофага находились три скелета; два из них — взрослых особей — лежали в вытянутом положении головой на север с обращенным вверх лицом и вытянутыми вдоль тела руками (рис. 3/2). Костяк с западной стороны, с более грубыми костями, принадлежавший мужчине, находился на подстилке из досок, соединенных железными гвоздями; его позвоночник был сильно изогнут. Череп костяка женщины с восточной стороны опирался на разбитую левую теменную кость. Между этими двумя костяками, под доской, в течение долгого времени плававшей в воде, которая проникла в вероятно недостаточно хорошо заделанное отверстие стыка, находились разрушенные кости скелета ребенка: лобная кость сдвинута к центру, затылочная кость сильно смещена к северо-востоку, а теменные — к юго-западу. Вокруг костей отложился слой мелкого песка толщиной в 0,010 м; он образовался вследствие разложения органических веществ и сравнялся после испарения проникнувшей в отверстие воды.

Единственные украшения находились на костяке женщины с восточной стороны. Справа и слева от головы было по золотой серьге с диском и ножкой для прикрепления (рис. 5/1—2). Около затылочной кости, в направлении к правой теменной, находилась серебряная шпилька с конической головкой (рис. 5/7). Другая шпилька, бронзовая, с расширенной головкой находилась под затылочной костью (рис. 5/6). На груди лежал

неравномерный ряд из двенадцати темно-красоватых сердоликовых бусин, граненных в виде неправильных шестиугольников; они разной величины и просверлены в про-

1

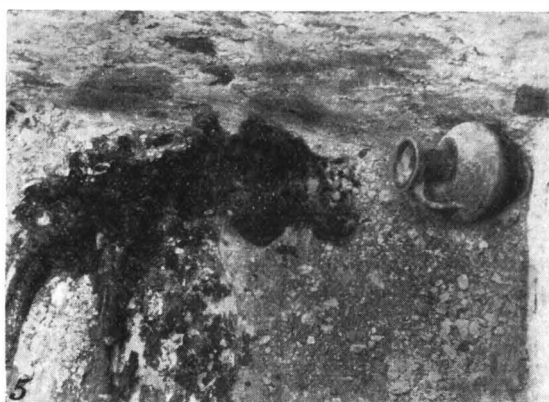
2

3

4

5

Рис. 3. — Погребения с труположением: 1—2, саркофаг (m 4) из кургана V; 3—5, выстроенное погребение (m 5) из кургана VI.

дольном направлении (рис. 5/5). На этом же костяке, у правой руки, находились два диска из золотой пластинки с двумя одинаковыми отверстиями; вероятно, они служили крышками для подвески-амулета (рис. 5/3—4).

На каждом костяке около плечевых костей было найдено по бронзовой монете; все они были выпущены Антонином Пием в 140—143 гг. На одной из них изображена голова императора, на двух других — голова Марка Аврелия Цезаря³.

В этом саркофаге в ногах находилось шесть сосудов из обожженной глины: три кувшина типа *oenochoe* и три сосуда, из числа которых один *cantharos*; около каждого костяка находилось по два сосуда, со временем свалившихся на бок. Кувшины, вероятно, содержали жидкости, остальные сосуды служили курильницами, как на это указывают остатки обожженных углей в двух первых сосудах. Два сосуда типа *oenochoe* с тонкими стенками, с горизонтальными каннелюрами и небрежно прикрепленной ручкой, сильно выпуклые, также сработаны из каштанового теста (рис. 6/1). Между ними находился третий, более стройной формы, из красного теста, с толстыми стенками и широкой ручкой (рис. 6/2). Около первого *oenochoe* стоял горшочек из беловатого теста, с широким горлышком, каннелюрами на тулове и узким дном в виде ножки. Рядом находился другой горшочек из красноватой пасты, с округлым дном, как у ведерка. *cantharos* с толстыми стенками, из красноватого теста, стоял за средним *oenochoe* (рис. 6/4).

Другое погребение с трупосожжением (т 5) находилось у основания кургана VI с западной стороны, около маленького кургана из черноватой земли, образовавшегося при рытье могилы и затем, при возведении кургана, покрытого большим количеством белой глины (рис. 2/3). Яма в 3 м длины и 2,25 м ширины была вырыта в желтой земле до глубины 1,25 м; посередине ее вырыли собственно могильную яму до глубины 2,25 м в древней почве. Стены погребальной ямы (дл. 2,25 м, шир. 1,45 м) были построены из обмазанных с внутренней стороны квадратных кирпичей (длина стороны — 0,175 м, толщина — 0,050 м), соединенных раствором. В южной части ямы на желтой глине были расположены два ряда, каждый из трех кусков черепицы (дл. 0,52 м и шир. 0,38 м) с отогнутыми краями; в северной части находились кирпичи, образовавшие настил. Ориентированное на 10° к северу вдоль ряда курганов это погребение, как и предыдущее, было покрыто большой плитой (дл. 2,45 м, шир. 1,10 м) (рис. 3/3).

В погребальной яме, у восточной стены, был обнаружен всего лишь один костяк. Он лежит головой на север, в вытянутом положении на спине и с руками вдоль тела. Под скелетом и вокруг него много беловатой пыли, образовавшейся из использованной при захоронении извести; будучи в большом количестве, она совершенно разрушила череп — он утратил плотность и стал рассыпаться. Исключение составляет сохранившая свою форму нижнечелюстная кость (рис. 3/4). Среди шейных костей найдена бронзовая монета чеканки Антонина Пия в 156 — 157 гг. Из одежды сохранились небольшие обрывки на костях рук и ног: весь костяк кажется обернутым в тонкую черноватую ткань. Стопы сохранились нетронутыми, их поддерживают остатки кожаных сандалий, ржавые гвозди которых содействовали устойчивости. Сандалии прикреплялись к ногам ремнями, на концах которых, у лодыжек, находилось по бронзовому звену (всего четыре) (рис. 5/11). Также в ногах, рядом, находилась вторая пара кожаных сандалий с гвоздями на подошве и по краям; кожа истлела, превратилась в пыль, сохранилась лишь форма (рис. 3/5). С той же южной стороны, больше к западу, имелись два сосуда. Горшочек с углями свалился на сандалию; он сработан из красноватого теста и украшен горизонтальными каннелюрами на тулове (рис. 6/5). Рядом находился выпуклый кувшин с высоким горлышком и широкой ручкой, также вылепленный из красноватого теста.

Над плитой насыпали вырытую из ямы желтую глину. Ее хорошо утрамбовали, так что погребение было герметически закрыто: в него не проникала ни вода, ни воздух.

³ Mattingly, IV, 197, No 1226 и IV, 226, No 1405.

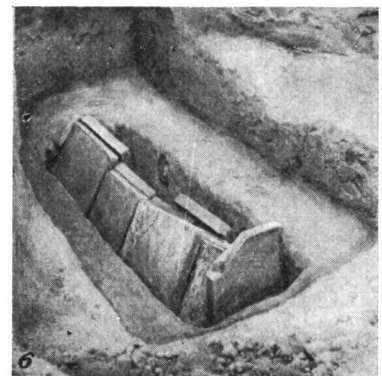
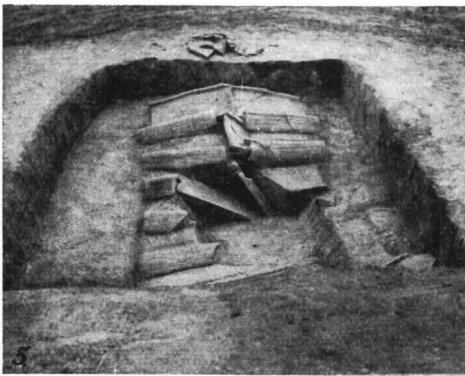
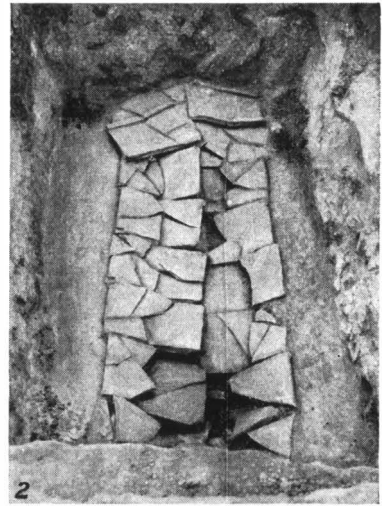
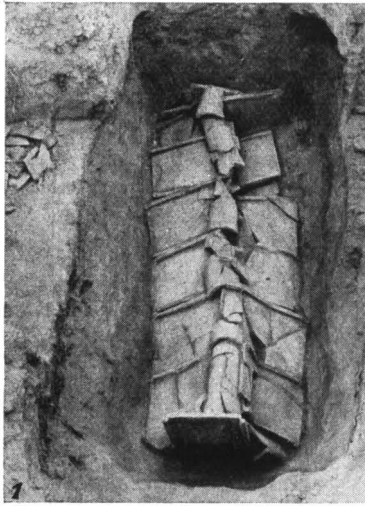

Рис. 4. — Погребения с трупосожжением: 1, погребение с покрытием из плоской черепицы и коньком из закругленной черепицы (*m* 6) из кургана VI; 2, погребение с покрытием из черепицы (*m* 9) из кургана XXVI; 3, погребение с покрытием из плоской черепицы и с закругленной черепицей на коньке и по линии стыков (*m* 10) из кургана XXXI; 4, внутренний вид погребения с продольным углублением (*m* 10); 5, погребение с покрытием из плоской черепицы с закругленной черепицей на коньке и по линии стыков (*m* 12) из кургана XXXII; 6, погребение с покрытием из кирпичей (*m* 8) из кургана XXV.

Благодаря этому сохранились истлевшие, но сохранившие свое первоначальное положение остатки одежды и обуви.

У основания того же кургана VI, в юго-западной части его, нашли погребение (т 6), ориентированное на 235° на юг, перекрытое при возведении кургана. Прямоугольная яма (дл. 3 м, шир. 1,5 м) была выкопана на глубину 0,70 м в древней почве. Трупосожжение произвели тут же на месте, что обусловило красноватый цвет стен и обжиг на толщину 0,050 м. Обуглившиеся останки с оставшимися углями были собраны в продолговатое углубление, вырытое посреди ямы (дл. 2,15 м, шир. 0,46 м, глуб. 0,20 м), суживающееся книзу до 0,20 м. В толстом слое золы, в северо-восточном углу, находился треснувший кувшин типа стройного *oepochoe* (рис. 6/2). Тут же находился горшочек с широким горлышком и тонкими стенками из теста с мелким песком (рис. 6/9). Единственным украшением была серебряная шпилька с конической головкой (рис. 5/8). Среди черепных костей, в золе юго-восточной части, были обнаружены две выпущенные в 156—157 гг. монеты времени Антонина Пия, пострадавшие от сильного огня⁴.

Погребение было покрыто двумя рядами, каждый из шести кусков черепицы (дл. 0,52 м, шир. 0,38 м), двускатно расположенных на дне большой ямы, причем края длинных сторон были повернуты кверху, а на верхушке находился ряд закругленных кусков черепицы в 0,48 м длины с диаметром в 0,16 м (рис. 4/1).

В восточной части кургана XXVI трuposожжение совершали в большой яме (т 9) длиной в 3,50 м, шириной в 2,10 м; яма углублена на 0,70 м в древней почве и ориентирована на 189° к югу. Двускатное покрытие составлено из двух рядов (по восьми кусков в каждом) черепицы с опущенными вниз краями; его поддерживают сгнившие балки, одна из которых — продольная (рис. 4/2). Углубление на дне ямы (дл. 2,50 м, шир. 0,80 м и глуб. 0,55 м), суживающееся книзу до 0,20 м, содержит под обугленными останками большое количество обожженных орехов и винных ягод. Посредине находилось два небольших костяных диска, украшенных по краю двумя концентрическими кругами и просверленных в центре (рис. 5/9—10). В южной части стояло два сильно треснувших от вторичного обжига сосуда: выпуклый горшок с широким горлышком, утолщенным венчиком и широкой ручкой (рис. 6/6) и сильно деформированный горшочек с тонкими стенками, широким горлышком. В северо-восточном углу находится выпуклый глиняный флакон с высоким горлышком. Поблизости, среди сгоревших углей, найден обломок деревянного орнамента погребального сооружения конической формы с центральным отверстием (рис. 5/12). Бронзовые монеты, сильно поврежденные обжигом, одна из которых найдена в южной части, среди черепных костей, а другая — в северной, выпущены Веспасианом в 71 г.⁵

Другое погребение с трuposожжением (т 10), покрытое черепицей — по пять кусков с каждой стороны — находится у северного подножия кургана XXXI; на нем, кроме конька из закругленной черепицы с продольными каннелюрами, есть еще куски закругленной черепицы при стыке кусков плоской черепицы с обеих сторон (рис. 4/3). Ориентированная на 270° к западу яма имеет лишь 2,70 м в длину и 1,30 м в ширину; остатки трuposожжения собраны в продольное углубление длиной в 1,80 м и шириной в 0,55 м, суживающееся книзу (рис. 4/4). Сосуды, частично поврежденные огнем, сосредоточены в западной части ямы: кувшин из красноватого теста с толстыми стенками (рис. 6/3) и горшочек с тонкими стенками и широким отверстием. Вместе с ним находилось два светильника: один из беловатого теста (рис. 6/10), другой из красноватого теста

⁴ Mattingly, IV, 340, No 2015, вкл. 48/12.

⁵ Mattingly, II, 130, No 603.

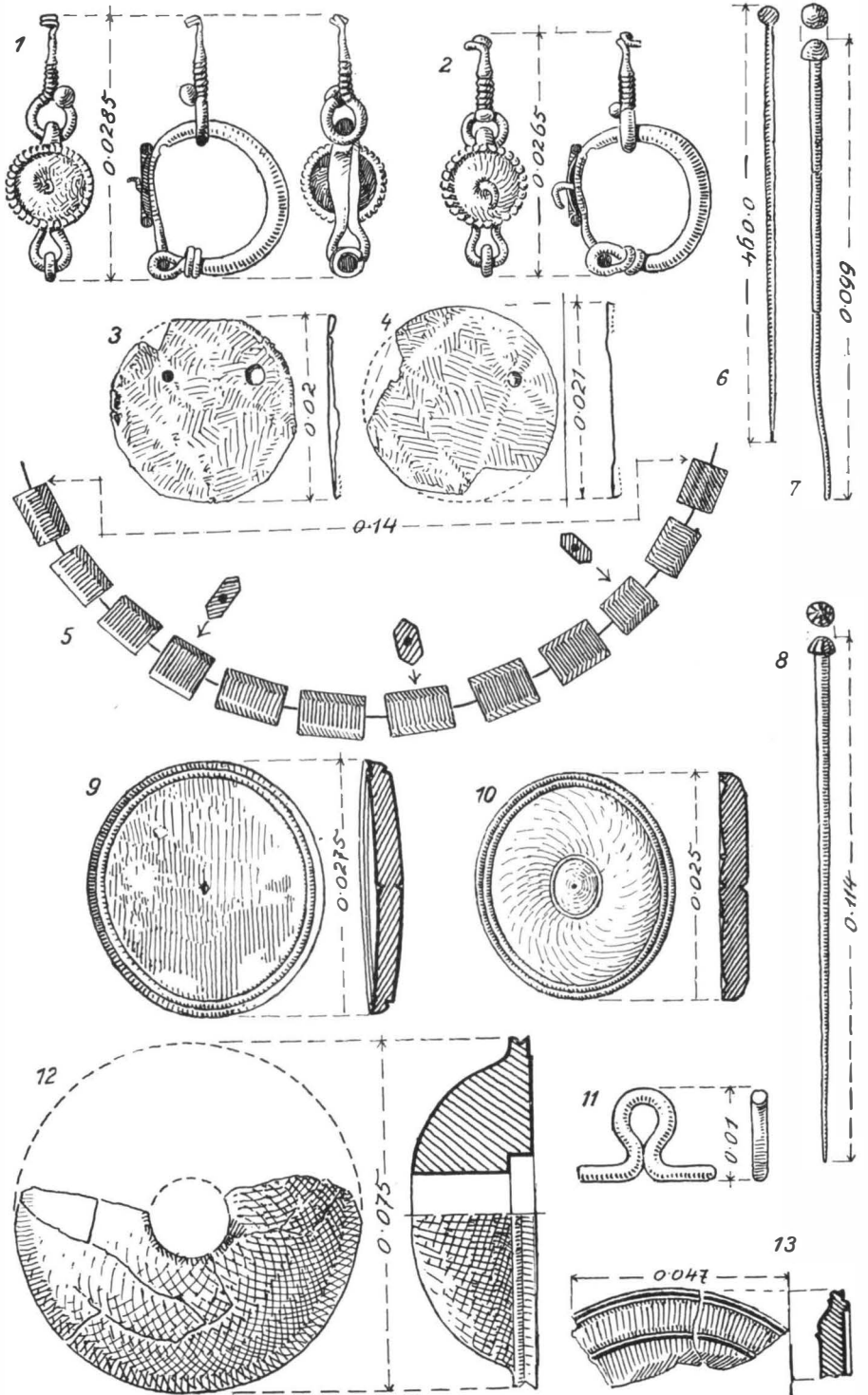

Рис. 5. — Украшения: 1—2, золотые серьги; 3—4, диски из золотой пластинки; 5, сердечковидные бусины; 6, бронзовая шпилька; 7—8, серебряные шпильки (1—7 из погребения *m* 4, 8 из погребения *m* 6); 9—10, костяные диски (*m* 9); 11, бронзовый крючок от ремня сандалий (*m* 5); 12, деревянный орнамент (*m* 9); 13, обломок деревянного орнамента (*m* 8).

с очень коротким горлышком. На черенице обнаружена монета, датируемая эпохой Адриана.

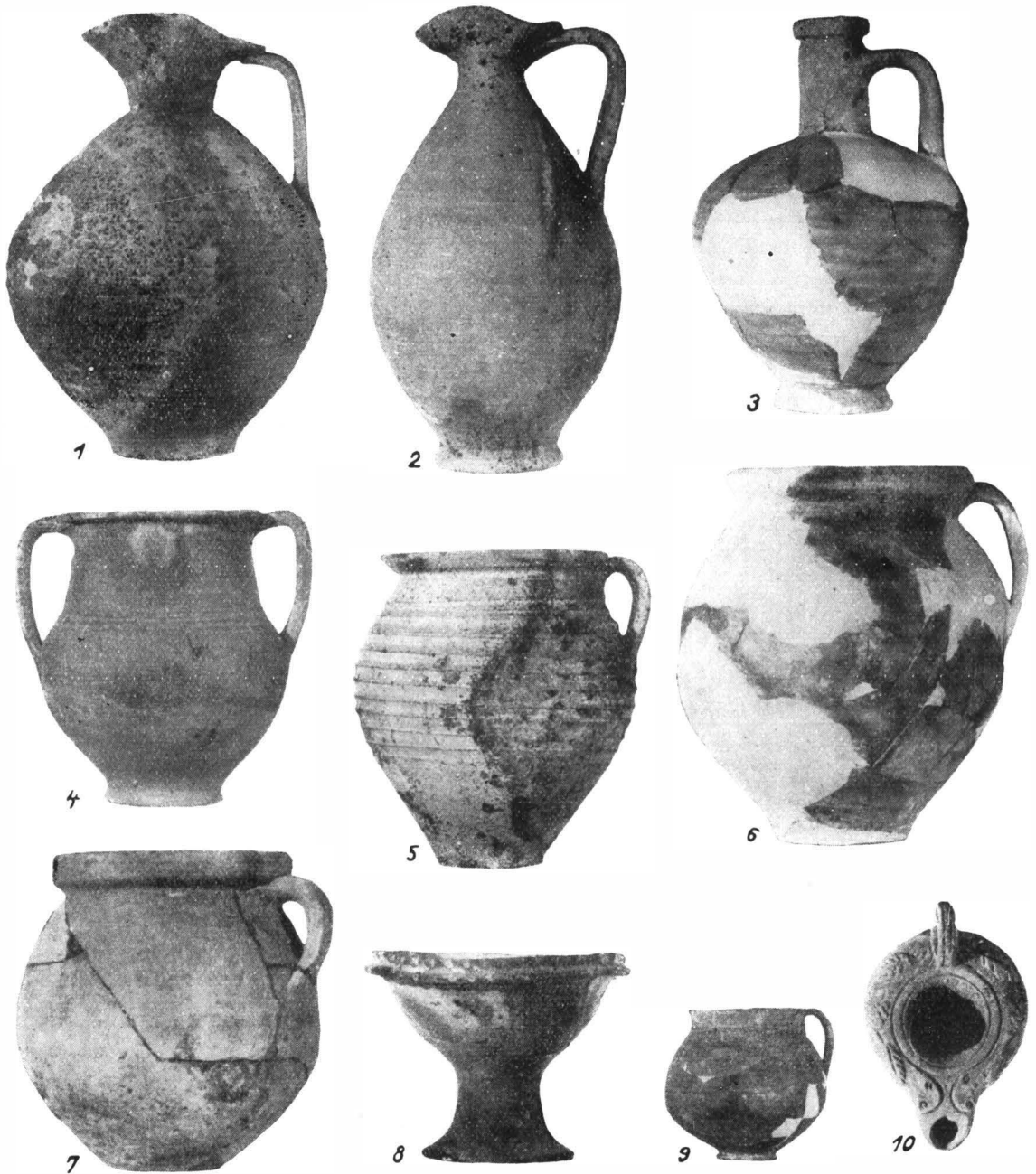

Рис. 6. — Жертвенные сосуды: 1—2, *oenochoe* (*m* 4); 3, кувшин *m* 10); 4, *kantharos* (*m* 4); 5, чаша курильница (*m* 5); 6, горшок (*m* 9); 7, горшок (*m* 8); 8, кубок на ножке (*m* 8); 9, чаша (*m* 6); 10, светильник (*m* 10); (1, 2, 4, 5 из погребений с труположением, а 3, 6—10 из погребений с трупосожжением).

Сходно с последним и погребение из кургана XXXII, разрушенное с восточной стороны (рис. 4/5) и не содержащее монет. В яме (дл. 2,80 м, шир. 1,80 м) с углублением

(дл. 2 м, шир. 0,80 м) обнаружили кувшин с толстыми стенками и горшок с широким горлышком. Оба сосуда сильно повреждены огнем.

Единственное центральное погребение было вскрыто в кургане XXV, у основания которого в профиле отложений заметили небольшую черноватую насыпь в центре (рис. 2/4). Здесь также находится погребение с трупосожжением (*m* 8), с большой ямой (дл. 3,50 м и шир. 2 м). Оно покрыто двумя рядами кирпичей (по 4 в каждом), установленными двускатно внутри центрального углубления, и двумя кирпичами (по одному в каждом конце), длина которых равна 0,57 и толщина 0,080 м. Кирпичи обмазаны глиной, чтобы земля не проникала внутрь погребения (рис. 4/6).

Останки трупосожжения, собранные в центральном углублении (дл. 2,50 м, шир. 1 м), после охлаждения были покрыты саваном, совершенно обуглившимся и благодаря этому сохранившимся. В северной части среди черепных костей нашли бронзовую монету эпохи Нерона, выпущенную в 64 г. В другом конце находились сосуды со следами вторичного обжига; выпуклый горшок с широким отверстием и толстыми стенками (рис. 6/7), кубок на ножке (рис. 6/8); рядом находился круглый светильник с очень коротким горлышком. Над костями нашли и обломок орнамента из обугленного дерева (рис. 5/13).

Говоря о погребениях с трупосожжением упомянем и очаг, сооруженный прямо на земле и находящийся у основания постройки кургана XXXI со слоями каштановой почвы и желтой глины. Здесь, близ центра, но с западной стороны, на площади примерно в 1 кв. м среди золы и углей нашли фрагменты небольших сосудов из красного теста, из которых восстановили несколько. Их можно подразделить на три группы: две круглые чашечки, две круглые чаши-миски и не менее пяти мисочек-тарелок с высокими стенками и кольцевидной подставкой. Вероятно, их употребляли в обряде погребального характера. В связи с этой группой, по всей вероятности, находятся другие, частично разбитые сосуды, найденные у подножия того же кургана: амфоры с одной ручкой и конической подставкой одинаковой фактуры (одна найдена к северу, а другая к югу от очага) и *cantharos*, обнаруженный ближе к центру кургана.

★

Исследование шести из общего числа 35 курганов, которые удалось отождествить на месте, позволило ознакомиться с различными типами погребений. Как видно, в некрополе из Новиодунума бытовало два погребальных обряда — с трупосожжением и с трупоположением.

Среди погребений с трупоположением было отмечено лишь два типа. Один из них представлен массивным прямоугольным саркофагом с двускатной крышкой и простыми акротериями на углах. Это классический тип греческого происхождения. Другой тип — покрытое плитой погребение с прямоугольной ямой и кирпичными стенами.

Совершалось ли погребение в саркофаге или в обложенной кирпичами яме, обряд был один и тот же. Умершего клали в вытянутом положении на спине с руками вдоль тела. На женщинах оставляли украшения. В качестве жертвоприношения в ногах каждого погребенного ставили два сосуда — кувшин и курильницу. На каждом умершем обнаружена монета; судя по ее положению — на шейных костях или около ключицы и плечевой кости — ее клали в рот. Ориентировку погребений с севера на юг можно связать с обрядом, если учесть положение скелетов головой на север; направление же их вдоль линии ряда курганов скорее всего — совпадение.

Вторая группа — погребения с трупосожжением — характеризуется своеобразной постройкой погребений. Яма вырыта очень тщательно, на глубину лишь 0,70 м; она прямоугольной формы и довольно велика (дл. 2,70 м — 3,50 м, шир. от 1,30 до 2,10 м).

Особенно характерно для постройки продольное углубление в середины ямы (дл. 1,80—2,50 м, шир. 0,46—1 м), представляющее собой собственно могилу. Здесь, в канаве глубиной от 0,20 до 0,55 м были тщательно собраны останки трупосожжения, иногда покрываемые обуглившимся затем саваном. Собственно погребение покрыто черепицей или кирпичами, двускатно расположенными по краю углубления, иногда даже внутри его, что указывает на заботливое сооружение погребальной постройки. Иногда, проявляя еще больше внимания, покрытие заканчивали черепичным коньком или даже накладывали куски закругленной черепицы по линии стыка боковых кусков черепицы, еще более придавая погребению вид жилища.

Совершенное на месте трупосожжение глубоко прожгло покрасневшие от огня стены большой ямы; сожжение же огнем деревьев твердой или мягкой породы, как показывают останки углей, которому содействовало движение воздуха благодаря продольному углублению на дне ямы, происходило при довольно высокой температуре, обусловившей сильное раздробление костей тела. Положение, в котором обнаружили останки сожжения, подтверждают заключение, что трупосожжение совершалось на месте и на незначительной высоте, позволявшей собирать останки в углублении — являющемся собственно могилкой — в естественном порядке составных элементов человеческого скелета. Украшения оставляли на усопшем, во время сожжения некоторые из них не сгорели, чем и объясняется их находка.

В отличие от первой группы, в погребениях с трупосожжением не наблюдается определенной ориентировки: как яма, так и черепные кости, находящиеся в одном из концов углубления, вырытого на дне ямы, могут быть обращены в сторону любой страны света.

Очаг с жертвоприношениями у основания кургана XXXI можно рассматривать как ритуальный акт в память того, для кого возвели курган; его похоронили, вероятно, в другом месте или вообще ему не привелось быть погребенным (в кургане нет погребения, если не считать погребения у северного края (*m* 10), случайно покрытого при возведении кургана).

Оба погребальных обряда до некоторой степени синхронны. Как указывает найденная в погребении *m* 8 монета времен Нерона, обряд трупосожжения, по-видимому, древнее. Он восходит ко второй половине I в. и бытует до второй половины II в., судя по найденной в погребении *m* 6 монете чеканки Антонина Пия. Погребения с трупоположением (*m* 4 и *m* 5), содержащие монеты времен Антонина Пия, подтверждают положение, что во II в. обряд трупосожжения постепенно заменяется обрядом трупоположения. А два погребения (*m* 5 и *m* 6) из кургана VI, также содержащие монеты времен Антонина Пия, подтверждают положение, что оба обряда совершались до известной степени в ту же эпоху. Несомненно, монета указывает дату, после которой совершилось погребение. Однако, как наличие выпущенных в 140—143 гг. трех монет времени Антонина Пия в саркофаге (*m* 4) или выпущенных в 156—157 гг. двух монет, также чеканки Антонина Пия, в погребении с трупосожжением (*m* 6) под тем же курганом VI, возведенным над погребением с трупоположением (*m* 5), в котором была также монета времен Антонина Пия, 156—157 гг., так и находка двух монет чеканки Веспасиана (71 г.) в погребении с трупоположением (*m* 9) в курганах XXVI, заставляют предположить, что момент погребения был недалек от года чеканки монеты, скорее он был тогда, когда эта монета имела хождение. Отсутствие в одном и том же погребении монет разной чеканки подтверждает это положение.

Наличие двух разных погребальных обрядов в одном и том же некрополе выдвигает и вопрос о существовании народности другого происхождения. Не исключено, что

обряд трупоположения совершали римляне и греки; это кажется тем более правдоподобным, что наряду с вышеуказанным можно напомнить о существовании мраморного саркофага, надпись на котором очевидно указывает на этническое происхождение усопшего Ἀλέξανδρος Ἡρακλέωνος. Форма и качество глиняной посуды также свидетельствует о более утонченном вкусе.

Обряд трупосожжения, напротив, бытовал, по-видимому, среди романизованного населения. Найденная в погребениях этого типа керамика носит отпечаток римской провинциальной фактуры, без каких бы то ни было следов местных элементов. Так что мы воздерживаемся утверждать присутствие местного населения в этих погребениях. Возможно, что руководящие верхи, заимствовав новые обычаи, отказались от традиционных предметов, сохраняя лишь погребальный обряд. Однако, не имея еще доказательств существования местных элементов в этих погребениях, приходится считать, что они принадлежали сильно романизованному населению. Добавим к этому отсутствие погребальной урны или малой ямы, обычных в гето-дакийских погребениях⁶, а также сложное устройство ямы для трупосожжения на месте и сооружение погребения, по-видимому заимствованные из эллинистического мира⁷. Трупосожжение на месте совершалось в эту эпоху и на могильнике из Каполц,⁸ и Алба-Юлии⁹ — в овальных ямах, без черепичного покрытия. Но и здесь, по-видимому, речь также скорее идет о романизованном, чем об автохтонном населении, поскольку в инвентаре отсутствуют элементы местного характера.

Керамика до известной степени различна в обоих типах погребений. В погребениях с трупоположением глиняная посуда тоньше, в то время как в погребениях с трупосожжением, наряду с тонкостенными сосудами встречаются и грубо вылепленные, с толстыми стенками, обыкновенной формы. Это могло бы обосновать предположение о существовании населения другого этнического происхождения.

Большое количество погребений в выше указанных нескольких курганах помогло нам узнать сравнительно многочисленные, хотя и не исчерпывающие подробности о погребальных обрядах, совершившихся в одно и то же время в некрополе из Новиодунума. Наличие монеты на уровне головы (вероятно, положенной в рот), а также жертвоприношения, как правило, находившиеся в ногах, являются общими элементами, свидетельствующими как о синхронности обрядов, так и о начале перехода от одного обряда к другому. Тщательное сооружение погребений с трупосожжением и, особенно, система сооружения представляют собой элементы, подтверждающие это положение.

Возведение курганов и устройство погребений, над которыми их возвели, наряду с теми, которые случайно покрыло основание курганов, дают некоторые указания о социальной принадлежности умерших, правда недостаточные, чтобы вывести заключения, но достаточные, чтобы установить разницу между зажиточными и более бедными жителями. В то же время исследование окрестных бескурганных погребений дает более обильные

⁶ D. Protase и I. Țigăra, *Săpăturile de la Soporul de Cîmpie*, в «Materiale», V, 1959, стр. 424—434; они же, *Șantierul arheologic Soporul de Cîmpie*, в «Materiale», VI, 1959, стр. 383—396; Sebastian Morintz, *Săpăturile de la Chilia*, в «Materiale», VII, стр. 441.

⁷ Синхронные погребения аналогичного погребального обряда с большой ямой и трупосожжением на месте, с инвентарем провинциально-римской фактуры были обнаружены и в четырех курганах некрополя города Каллатиса, к востоку

от железнодорожной станции Мангалия (сообщено Д. Тудором, неопубликованные раскопки 1949 г.). В ту же эпоху применяли сходную систему при сооружении покрытия погребений с трупоположением, см. МЦХЕТА, I, Тбилиси, 1958, стр. 22, 146—147 и вкл. CVII/2.

⁸ M. Macrea и коллект., *Șantierul arheologic Cașolț-Calbor*, в «Materiale», V, 1959, стр. 403—417 и VI, 1959, стр. 407—443.

⁹ D. Protase, *Șantierul arheologic Alba Iulia*, в «Materiale», VI, 1959, стр. 397—405.

дополнительные сведения. Наличие погребений с труположением и трупосожжением у основания курганов показывает, что возведение курганов зависело от социального положения, а не от этнического происхождения и еще менее от обряда.

Курганы благодаря своим большим размерам и возможности неожиданных находок в них рассматриваются не только как исторические памятники, но и, вместе с некрополями, в состав которых они входят, являются настоящими памятниками культуры. Как общие элементы, так и особенности погребений, вскрытых у основаниях исследованных курганов, свидетельствуют о заботе об умерших, проявлявшейся в обычаях населения, жившего в одно и то же время в Новиодунуме. Оно было разного происхождения, но находилось на одной и той же культурно-экономической стадии, рассматриваемой в целом. Зато особенности указывают на различные ступени и социальное положение того времени. Инвентарь погребений выявляет не только экономическое положение и достигнутый культурный уровень, но и формы, орнаментику, способ обработки; некоторые из них — специфичны для эпохи II в., а другие являются звеньями связи с материалом последующих веков, как например выпуклый горшок с утолщенным венчиком, в котором нашли монету Нерона (*m 8*). Некоторые типы отмечают границы времени их использования: например, *cantharos* который, как предполагают, бытовал до IV в., однако, по-видимому, не перешел рубежа III в., быть может даже его первой половины.

Таким образом, определение обряда и характеристика ритуала, наряду с другими указаниями в связи с керамикой и вообще с экономической жизнью, добытыми при исследовании открытий в Новиодунуме, являются ценным вкладом в изучение вопроса, могущим обогатить наши сведения о римской эпохе, в частности о провинциальной жизни в Новиодунуме.

ЭКСПЕКТАТУС БУЖОР